

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	8
Детство, отрочество, юность	11
Время	11
«Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства!»	11
Школьные годы	22
Учеба в университете	30
Писательский дебют	33
Голод	37
Женщина	44
Служба в армии	47
История болезни	50
Семейное счастье	69
Эрнст Вестерлунд: выручивший из беды	69
Свадьба	74
«Значит, это и есть знаменитая Ясная Поляна?»	82
Лето в Швеции, зима в России	88
Еще один Лев Толстой	91
«Прелюдия Шопена»	94
Лев полемизирует	100
Книга о Швеции	104
Путь лежит на юг Европы	115
Смерть Лёвушки	120
Санкт-Петербург	126
Дом в Петербурге	126
«Ночи безумные»	130
Романист	133
Никита появляется на свет	138
История болезни Доры	141

Правдивые рассказы для детей и советы о здоровье для взрослых	146
Поездка в Египет	149
Русско-японская война	158
Quo vadis, Россия?	169
Аудиенция у императора	169
Храни нас Бог от заключения мира!	175
Революция!	182
Конфликт и примирение	188
Лев Львович Толстой — скульптор	197
Тяжелый 1910-й	201
Без отца	212
Возвращение в Париж	212
Встреча с Америкой	213
Годовой перерыв	224
Русским не везет	227
Пьесы, пьесы, пьесы	232
Игромания	239
Мировая война	244
Война!	244
Во власти азарта	251
Хальмбюбода: последнее лето вместе	257
«Мы проснемся»	265
Вокруг света	267
Мадлен	267
Япония	270
Тем временем в Петрограде	274
Место назначения — Сан-Франциско	276
Полмира за полгода	281
Прощай, Россия!	287
Жизнь в эмиграции	297
«Иногда я впадаю в отчаяние...»	297
Правда о Лье Николаевиче Толстом	301

Марианна Сольская	305
«Мысль гротескна»	307
Бог есть...	311
Нью-Йорк — еще раз	315
Льву Толстому — сто лет	322
Смерть, где твое жало?	328
Проект: пережить день	332
Толстой глазами сына	336
«Бедная, бедная мамá»	341
Грязные улицы и разрушенные церкви	347
Lungarno	349
Аудиенция у Муссолини	354
Обратная дорога в Швецию	358
Свадьба сына	358
Манеры парижского апаша	362
Трудное «это то самое»	364
Швеция — спасение	368
Швеция — навсегда	372
Решение — мировое правительство	379
Опыт жизни Льва	386
Лучшая из матерей	392
Конец	397
Послесловие	401
Могилы	401
Дневник	401
Последняя просьба	403
Источники и литература	404
Указатель имен	409

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лев Львович Толстой (1869–1945) не желал довольствоваться ролью сына знаменитого отца. Он жаждал славы и признания как писатель, скульптор, журналист, публицист и мыслитель — независимо от происхождения. Но от проблемы «Лев Николаевич Толстой» он так никогда и не избавился. «Нет ничего хуже, чем быть сыном великого человека, — мог сказать Лев Львович. — Что бы ты ни делал, тебя сравнивают с отцом». И сравнение почти всегда говорило не в пользу Толстого-младшего. Рядом с отцом он неизбежно превращался в Льва Толстого — малого.

Порождением этой травмы стала борьба с образом отца — и в жизни, и в творчестве. Нежность и восхищение сменялись агрессией и жесткой критикой. Но несмотря на латентный сыновий бунт, было очевидно: Лев Львович мог рассчитывать на интерес к себе прежде всего в качестве сына Льва Николаевича. Кроме того, это давало ему неиссякаемый материал для книг, лекций, портретных бюстов и рисунков. Можно с уверенностью утверждать, что сын жил за счет отца.

Лев Львович хотел создать счастливую семью, принести пользу Родине и указать человечеству путь в будущее без войн. Судьба (на которую Лев Львович часто ссылался) распорядилась иначе. Семейная жизнь не сложилась, революция 1917 года разлучила его с Россией, а все проекты решения военного вопроса потерялись в незавершенных рукописях. Лев Львович был беспокойным по натуре. Его мать Софья Андреевна говорила прямо: «Это вечное искание, любопытство новых ощущений и стремление к чему-то новому,

лучшему — осталось в нем на всю жизнь и во многом мешало ему». Секретарь Толстого Валентин Булгаков выразился коротко: «Лев Львович жил и не находил себе места в жизни».

Особое значение для Льва Львовича имела Швеция. Будучи, как утверждалось, потомком варяжского князя IX века, он даже мог бы назвать ее своей прародиной. Период реабилитации в Энчёпинге и брак со шведкой Дорой Вестерлунд стали важными вехами на его жизненном пути. В книгах, прессе и общении с российским императором Николаем II он упоминал Швецию в качестве образца для отсталой России. Но при этом в более развернутой перспективе мог страдать от того, что в отношениях между странами представляет более слабую сторону, и подчас это проявлялось в бесцельных шовинистических выпадах. Так же, как вынужденное подчинение отцу порождало демонстративно высокие представления о собственном «я».

В Швеции Лев Львович прожил свои последние годы — в окружении восьмерых детей и порядка двадцати внуков. Появившийся на свет в Ясной Поляне, родовом имении Толстых под Тулой, он обрел вечный покой в южной Швеции на кладбище Сиречёпинге (Sireköpinge).

Сам Лев Львович называл собственную жизнь «скорее несчастной, чем счастливой». И все же важно рассказать обо всем честно. «Судьба моя особенная и сам я особенный», — написал он в 1915 в письме к матери. Для других пример его жизни, или, как он сам выражается, «опыт жизни», может послужить и уроком, и предупреждением.

Назвать Льва Толстого — младшего несправедливо забытым писателем можно только с известной долей условности. Несмотря на обширное творчество, он почти не оставил следов в современной культуре. Его работы интересны преимущественно как примечания к истории его жизни. К драматичной судьбе замысловатого замеса, в которой сочетались восхищение пред Западом, великорусский шовинизм и невольный космополитизм, умещались революции и войны, периоды изобилия и крайней нужды, годы оптимизма и отчаяния. Эта биография стоит того, чтобы быть написанной. И прочитанной.

Фрагменты, из которых складывается пазл биографии Льва Толстого — младшего, весьма многочисленны. Многие сложно отследить по прошествии лет. Тяготеющая к субъективности автобиография «Опыт моей жизни», охватывающая период до 1918 года, была издана лишь в 2014-м вместе со сборником эссе *Lungarno* («Лунгарно») и обширной перепиской с отцом. Машинописное издание Павла (Пали) Толстого *Mamma Dora Tolstoys liv* («Жизнь мамы Доры Толстой», 1966) основывается преимущественно на письмах, которые Дора писала родителям в Швецию. Большой архив Льва Львовича распределен между Москвой (Отдел рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого), Санкт-Петербургом (ИРЛИ — Пушкинский Дом) и Королевской библиотекой в Стокгольме. Важную поддержку моей работе оказали шведские правнуки Льва Львовича Толстого. Но прежде всего я обязан поблагодарить за помощь профессора Валерию Абросимову (Коломна, Россия) — автора многочисленных публикаций о Льве Львовиче Толстом и ведущего специалиста по этой теме.

Лев Николаевич Толстой именуется в книге просто Толстой, его супруга — Софья Андреевна. Льва Львовича в детстве зовут Лёля, далее он становится Лёвой и, наконец, Львом. В Швеции его имя пишется *Leo Tolstoy d. y.* — Лев Толстой — младший. Для его детей я, вслед за их отцом, использую уменьшительно-ласкательные имена. Даты приводятся по юлианскому календарю, когда речь идет о России, и по григорианскому (который опережал юлианский на двенадцать суток до 1900 и на тринадцать — после), если события происходят за пределами России. В некоторых случаях приводятся обе даты.

Поддержку в работе над этой книгой и при ее публикации оказали Ассоциация авторов научно-популярной литературы Финляндии, Фонд им. Р. Рюмин-Невалинна (Университет Хельсинки), Финско-шведский фонд поддержки книжной культуры и фонд Веры Сагер (Стокгольм).

И наконец, особая благодарность профессору Маргарете Бьёркман за ценные советы и комментарии.